

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-217-223>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. Н. В. Михаленко

г. Москва, Россия

ТОПОС ТВОРЧЕСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ К. Г. ПАУСТОВСКОГО

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-18-00051, URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00051>

Аннотация: В статье исследуется семантика и поэтика литературной усадьбы XIX в. в процессе ее трансформации в литературную дачу или дом творчества в текстах К. Г. Паустовского советского времени (книге «Золотая роза», пьесе «Наш современник Пушкин», фрагментах «Повести о жизни», письмах из подмосковных Пушкина и Тарусы, рижской Юрмалы). Показано, что контекст классической «усадебной культуры» (соприкосновение с природой, покой и размышления, общение в писательском кругу) видится Паустовскому наиболее благоприятной средой для творческого труда, создания произведений искусства. В письмах и в художественных текстах писателя возникает образ уединенного творчества в деревенском доме, приморском коттедже, часто в холодное время года, что является символом наибольшей концентрации, взаимодействия с природой и в то же время отрешенности от обыденного круга занятий и погруженности в художественное пространство. Писательское общение — обмен идеями, новыми замыслами, — которое происходило в доме творчества или при совместном проживании на даче, представляется некоторым вариантом литературного усадебного салона.
Ключевые слова: К. Г. Паустовский, топос дачи, дом писательского творчества, «Золотая роза», письма Паустовского.

Информация об авторе: Наталья Владимировна Михаленко — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6200-6211>

E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Дата поступления статьи: 10.03.2023

Дата одобрения рецензентами: 19.05.2023

Дата публикации: 25.09.2023

Для цитирования: Михаленко Н. В. Топос творчества в произведениях К. Г. Паустовского // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 217–223.

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-217-223>

В произведениях К. Г. Паустовского одной из модификаций «усадебного топоса» часто выступает дача или писательский дом творчества как место, где лучше всего создаются и выкристаллизовываются художественные тексты. Под «усадебным топосом» в настоящей статье, опираясь на работу О. А. Богдановой, понимается «продуктивная культурная модель, имеющая междисциплинарный и универсальный характер, сохраняющая свою семантико-семиотическую идентичность на протяжении длительных периодов времени и обладающая выраженными пространственными характеристиками — физическими, антропологическими и символическими» [2, с. 98].

Философскую и структурно-семантическую основу художественного мира Паустовского составляет триада «природа-человек-творчество», что реализуется в «авторской концепции, исходящей из воззрения писателя на природу как основу бытия, на человека как ее ученика и творчество как феномен личностный и природный» [5, с. 5].

В кратком предисловии к собранию сочинений как один из источников вдохновения писатель выделял «счастье близости к своей земле, сосредоточенности и внутренней свободы, любимых дум и напряженного труда» [8, т. 1, с. 48]. Он отмечал, что именно средней России «обязан большинством написанных <...> вещей <...>: “Мещерская сторона”, “Исаак Левитан”, “Повесть о лесах”, цикл рассказов “Летние дни”, “Старый челн”, “Ночь в октябре”, “Телеграмма”, “Дождливый рассвет”, “Кордон 273”, “Во глубине России”, “Наедине с осенью”, “Ильинский омут”» [8, т. 1, с. 48–49]. Паустовский писал: «Всю нарядность Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдам за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки или за извилистую речонку Таруску — на ее скромных берегах я теперь часто и подолгу живу» [8, т. 1, с. 48]. Как справедливо отмечала О. А. Богданова, в русской литературе XX в. именно дача «в силу культурно-исторических обстоятельств потеснившая усадьбу и принявшая на себя ряд ее функций», стала «одной из важнейших форм репрезентации художественного пространства» [3, с. 12–13].

Писательский дом отдыха в XX в. по сути также стал своеобразной реинкарнацией усадебной жизни, где можно было «поработать спокойно, <...> проветрить сердце» («По ту сторону радуги»), обсудить творческие идеи, побыть в среде единомышленников. По мысли В. А. Антипиной, «в дачных поселках, так же, как и в домах отдыха, предназначенных для них, писатели ценили, прежде всего, не материально-бытовые условия, а определенную среду» [1, с. 18].

Особенно много свидетельств о работе Паустовского в Юрмале, Доме творчества Союза советских писателей в поселке Дубулты (сейчас Латвия), где он бывал не раз, начиная с января 1955 г. В статье «Мальчик на дельфине» Г. А. Гайлит так вспоминал об этом месте: в комплекс Дома творчества входили «семь двух и трехэтажных дач. Изумительным было само место — на дюне, в сосновом лесу, в двух шагах от моря. Выйдешь из вестибюля, обогнешь здание и по каменным ступенькам спускаешься на пляж. С другой стороны — рукой подать до реки Лиелупе и до железнодорожной станции. От реки до моря — 320 метров. В ветреную погоду все обычно гуляли по роскошному парку. С декоративным прудом, романтический гротом, теннисным кортом, розарием и скамейками в самых укромных местах. Между белым особняком и пляжем стояло коричневое деревянное здание — дом Паустовского. Тоже с балконом, и тоже на шведский манер» [4, с. 56].

В письме к В. А. Каверину от 5 февраля 1955 г. Паустовский отмечал: «Я сбежал из Москвы, сбежал от чужих рукописей, от настойчивых авторов. От Литературного

института и всего прочего, чтобы хотя месяц поработать в относительном покое» [8, т. 9, с. 302]. Именно здесь было написано очень многое. В книге отзывов Дома творчества Паустовский записывал: «За полтора месяца сделал столько, что в Москве для этого понадобилось бы не меньше восьми месяцев...» [7], «Зимой 1955 года (февраль-март) мною в Дубултах были написаны: повесть “Золотая роза” (книга о писательском труде), рассказ “Ночной дилижанс” (о сказочнике Христане Андерсене) и две статьи о Пришвине <...> и Фридрихе Шиллере» [7]. Здесь же создавалась и книга новелл «Золотая роза», где Паустовский рассуждал об особенностях писательского труда, психологии творчества. Своими размышлениями о процессе ее создания он делился с Т. А. Паустовской в письме от 25 февраля 1955 г.: «Работа “пошла”, пишу много, иногда по поллиста за день. Просто первое время я был занят другим (автобиография, Пришвин, студенческие дипломные работы), а кроме того, еще не втянулся. А сейчас работать уже легко и интересно (хотя по самому содержанию вещи — и трудно). Главное — интересно. Мне кажется, что эта книга будет очень непохожей на все, что я писал раньше, — по свободе письма и богатству материала. И вообще — очень не похожей на обычную прозу. Я боялся, что не взял нужных книг, но память меня не подвела и “подбрасывает” мне больше материала, чем даже нужно» [8, т. 9, с. 305].

Паустовский несколько раз отдыхал на Рижском взморье, причем приезжал сюда зимой или ранней весной. Образы зимней тишины, покоя природы, сопряженные с кропотливым писательским трудом, очень часто встречаются в его текстах. Он писал: «Все в Дубултах — тишина, легкое одиночество, пустынная Балтика, дюны, приморские сосны и самый уют латвийской земли — очень помогают писать» [7]. Здесь Паустовский точно ощущал себя в хронотопе искусства: «...при первой встрече я понял, что прелесть латвийской зимы и заключается в этом, как бы старинном, слегка потемневшем снеге, в этой серебряной мгле, в каком-то особенном уюте зимы, когда навстречу трещат каминны и возникают под шум огня детские сказки и взрослые сны. С этим ощущением только что распустившейся сказки, с ожиданием мимолетных встреч, задевающих сердце, я ехал из Риги на взморье...» [8, т. 7, с. 197].

Интересно, что еще в 1923 г. в письме к матери после скитаний и переездов из города в город (Киева, Одессы, Тифлиса и др.) создается идеальный образ спокойного творчества в занесенном снегом доме: «Живу я сейчас в Пушкине, в 20 верстах от Москвы, в зимней даче. Вокруг лес, снега, тишина. Работать здесь — прекрасно. Утомляют только поездки в город. В городе я не нашел комнаты. Кроме того, платить по 10 червонцев за комнату я не могу, а дешевле в Москве не найти...» [8, т. 9, с. 67].

Впоследствии в «Золотой розе» Паустовский так описал свое пребывание в Юрмале: «Я живу в маленьком доме на дюнах. Все Рижское взморье в снегу. Он все время слетает с высоких сосен длинными прядями и рассыпается в пыль... Дом стоит у самого моря. Чтобы увидеть море, нужно выйти за калитку и немного пройти по протоптанной в снегу тропинке мимо заколоченной дачи. На окнах этой дачи еще с лета остались занавески. Они шевелятся от слабого ветра. Должно быть, ветер проникает сквозь незаметные щели в пустую дачу, но издали кажется, что кто-то подымает занавеску и осторожно следит за тобой» [8, т. 3, с. 173].

Паустовский отмечал ощущение одиночества, соприкосновения с природой, для него важно было особое пространство тишины и покоя, пространство, где человек как бы смотрит внутрь себя. Вероятно, это было для него тем, что пробуждает творчество. Он писал, что в разное время дня меняется самоощущение, взаимосвязь с природой: «Днем в доме, где я живу, идет привычная жизнь. Трещат дрова в разноцветных кафель-

ных печах, заглушенно стучит пишущая машинка, молчаливая уборщица Лиля сидит в уютном холле и вяжет кружево. Все обыкновенно и очень просто. Но вечером крошечная темнота окружает дом, сосны придвигаются к нему вплотную, и, когда выходишь из ярко освещенного холла наружу, тебя охватывает ощущение полного одиночества с глазу на глаз с зимой, морем и ночью...» [8, т. 3, с. 174]. В письме к М. Л. Слонимскому от 13 апреля 1955 г. он признавался, что провел два месяца в «романтическом доме на дюне», почти один [8, т. 9, с. 307].

Интересно, что похожий параллелизм «человек за работой — природный мир» отразился и в его рефлексии творчества в Солотче, недалеко от Рязани: «как легко было работать в мезонине деревенского дома, осенью, в одиночестве, под потрескивание свечи. <...> очень помогало писать сознание, что за стеной всю ночь напролет облетает старый деревенский сад» [8, т. 3, с. 269–270]. Труд писателя становился как бы включенным в природные циклы, обусловленным ими.

Почти монашеское уединение прерывалось в Юрмале только на общение со знакомыми писателями, также отдохнувшими здесь. Паустовский писал жене 6 февраля 1955 г.: «Работать никто не мешает, потому что все живут в разных домах (их тут не меньше восьми) и встречаются только в столовой. На соседней церкви бьют в колокол часы — по-старинному» [8, т. 9, с. 303].

Образ творчества зимой, в одиночестве часто интерпретировался в произведениях Паустовского. Так, композитор Эдвард Григ в рассказе «Корзина с еловыми шишками» создавал музыку, вдохновенную девочкой Дагни Педерсен, когда косо летел снег, «цепляясь за верхушки деревьев» [8, т. 6, с. 497]. В пьесе «Наш современник (Пушкин)» зимний вечер в Михайловском Паустовский описал не просто как время ссылки поэта, а как период отдыха и приобщения к фольклорной традиции. Пушкин с интересом слушает в исполнении няни Арины Родионовны «Сказку про водяного», готов остаться в этом хронотопе покоя и творчества «хоть сотню лет» [8, т. 8, с. 148]: «Комната Пушкина в Михайловском. Ломберный стол, заваленный рукописями и книгами. Простая деревянная кровать с кожаной подушкой. Диван. Зимний вечер. Горят свечи. Жарко пылает камин. Около камина сидит и вяжет Арина Родионовна. Пушкин лежит на диване, читает. За окном воет метель, шуршит снегом по стеклам. Слышно, как в дальней комнате поют дворовые девушки» [8, т. 8, с. 147–148].

Важным для творческого метода Паустовского было общение с друзьями-писателями, обмен опытом, идеями и замыслами, своеобразное ощущение литературного братства. В главе «Зарубки на сердце» он вспоминал о жизни в писательском Доме творчества в Ялте: «По ночам холодный ветер дул с гор, присыпанных снегом. Снег магически сверкал в свете шевелящихся звезд. Поэт Асеев, живший рядом, писал стихи о героической Испании (это было во время испанских событий), о “древнем небе Барселоны”. Поэт Владимир Луговской пел своим мощным басом старинные песни английских матросов:

Прощай, земля! Корабль уходит в море,
И чайки след остался за кормой...

По вечерам мы собирались около радио и слушали сводки о боях в Испании» [8, т. 3, с. 226–227].

Паустовского увлекала эта своеобразная полифония, обмен писательским опытом. В очерке «Встречи с Гайдаром» показано, как авторы по-разному создавали свои

произведения, как работа «в селе Солотче, под Рязанью, в Мещерских лесах» еще больше объединила двух друзей. Жизнь на природе давала свободу создавать тексты так, как это было органично для каждого автора. Паустовский отмечал, что Гайдар писал, не садясь за письменный стол: «Он ходил по саду и бормотал, рассказывал вслух самому себе новую главу из начатой книги, тут же на ходу исправлял ее, менял слова, фразы, смеялся или хмурился, потом уходил в свою комнату и там записывал все, что уже прочно сложилось у него в сознании, в памяти. И затем уже редко менял написанное» [8, т. 7, с. 419]. Сам Паустовский создавал свои тексты в «деревянной баньке» в Солотче, в летней беседке в Тарусе или «в кабинете с окном, распахнутым в сад» [6, с. 245].

Метод создания художественных текстов в тесном соприкосновении с природой (на даче, в деревенском доме) и в среде единомышленников (в писательском пансионате) был обусловлен аксиологией творчества Паустовского, восходящей к традиционной для русской литературы усадебной топике. Усадьба как локус творчества связывает нас с пушкинским Михайловским, толстовской Ясной Поляной, блоковским Шахматовым и многими другими заповедными местами XIX – начала XX в. В советское время, когда владельческие усадьбы исчезли, дух искусства и литературы во многом переключался в новые институции — писательские дачные поселки, съемные дачи в деревне, дома отдыха и творчества.

Список литературы

Исследования

- 1 Анטיפина В. А. Повседневная жизнь советских писателей в 1930-х – начале 1950-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 25 с.
- 2 Богданова О. А. Русская литературная усадьба XIX–XX вв.: теоретический аспект исследований // *Mundo Eslavo*. 2020. № 19. С. 89–102. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29>
- 3 Богданова О. А. Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7, № 3. С. 10–29. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29>
- 4 Гайлит Г. А. Мальчик на дельфине: воспоминания и размышления. Рига: Rīdzene-1, 2013. 168 с.
- 5 Летохо Е. В. Художественный мир малой прозы К. Г. Паустовского 1940–1960-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 19 с.
- 6 Миндлин Э. Л. Добрый художник // Воспоминания о Константине Паустовском: сб. / сост. Л. Левицкий. М.: Сов. писатель, 1975. С. 216–248.

Источники

- 7 Книга отзывов и пожеланий Дома Творчества Писателей Литфонда СССР: в 10 т. Дубулты: Дом творчества писателей Литфонда СССР им. Я. Райниса, 1948–1984. Т. 3. (Рукопись).
- 8 Паустовский К. Г. Собр. соч.: в 9 т. / сост., подгот. текста и примеч. Л. А. Левицкого. М.: Худож. лит., 1981–1986. Т. 1. Романы и повести. М.: Худож. лит., 1981. 623 с. Т. 3. Повести. М.: Худож. лит., 1982. 687 с. Т. 6. Рассказы. М.: Худож. лит., 1983. 623 с. Т. 7. Сказки. Очерки. Литературные портреты. М.: Худож. лит., 1983. 572 с. Т. 8. Пьесы; Теория капитана Гернета: докум. повесть; М.: Худож. лит., 1984. 447 с. Т. 9. Письма 1915–1968. М.: Худож. лит., 1986. 542 с.

© 2023. Natalia V. Mikhailenko
Moscow, Russia

TOPOS OF CREATIVITY IN THE WORKS OF PAUSTOVSKY

Acknowledgements: This study was supported in the IWL RAS by the Russian Science Foundation project, no. 22-18-00051. Available at: <https://rscf.ru/project/22-18-00051>.

Abstract: The paper explores the semantics and poetics of the literary estate of the 19th century in the process of its transformation into a literary cottage or house of creativity in the texts of K. G. Paustovsky (the book “Golden Rose”, the play “Our Contemporary Pushkin”, fragments of the “Tale of Life”, letters from Pushkin and Tarusa near Moscow, Riga Jurmala). The study shows that the context of the classical “manor culture” (contact with nature, peace and reflection, communication in the writer's circle) is seen by Paustovsky as the most favorable environment for creative work, creating of works of art. One can see how in the letters and in the literary texts of the writer, the image of solitary creativity arises in a village house, a seaside cottage, often in the cold season, which is a symbol of the greatest concentration, interaction with nature and at the same time detachment from the ordinary circle of occupations and immersion into artistic space. The writer's communication, the exchange of ideas, stories about new ideas, which took place in the house of creativity or when living together in the country, seems to be some invariant of the literary estate salon.

Keywords: K. G. Paustovsky, Dacha's Topos, House of Writer's Creativity, “Golden Rose”, Letters of Paustovsky.

Information about the author: Natalia V. Mikhailenko — PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6200-6211>

E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

Received: March 10, 2023

Approved after reviewing: May 19, 2023

Date of publication: September 25, 2023

For citation: Mikhailenko, N. V. “Topos of Creativity in the Works of Paustovsky.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 69, 2023, pp. 217–223. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-217-223>

References

- 1 Antipina, V. A. *Povsednevnaia zhizn' sovetskikh pisatelei v 1930-kh – nachale 1950-kh gg.: [Daily Life of Soviet Writers in the 1930s – Early 1950s]*: PhD Thesis Summary. Moscow, 2005. 25 p. (In Russ.)
- 2 Bogdanova, O. A. *Russkaia literaturnaia usad'ba XIX–XX vv.: teoreticheskii aspekt issledovaniia [“Russians Russian literary Estate of the 19–20 Centuries: A Theoretical Aspect of Research”]*. *Mundo Eslavo*, no. 19, 2020, pp. 89–102. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29> (In Russ.)
- 3 Bogdanova, O.A. “Formirovanie issledovatel'skogo tezaurusa pri izuchenii fenomena dachi v russkoi literature XIX–XXI vv.” [“Formation of a Research Thesaurus in the

- Study of the Phenomenon of Dachas in Russian Literature of the 19–21 Centuries”]. *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 3, 2022, pp. 10–29. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29> (In Russ.)
- 4 Gailit, G. A. *Mal'chik na del'fine: vospominaniia i razmyshleniia [A Boy on a Dolphin: Memories and Reflections]*. Riga, Rīdzene-1 Publ., 2013. 168 p. (In Russ.)
- 5 Letokho, E. V. *Khudozhestvennyi mir maloi prozy K.G. Paustovskogo 1940–1960-kh godov [The Artistic World of K. G. Paustovsky's Short Prose of the 1940s–1960s]: PhD Thesis Summary*. Moscow, 2010. 19 p. (In Russ.)
- 6 Mindlin, E. L. “Dobryi khudozhnik” [“Good artist”]. *Vospominaniia o Konstantine Paustovskom: sbornik [Memories of Konstantin Paustovsky: Collection]*, comp. L. Levitskii. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1975, pp. 216–248. (In Russ.)